

Да не так уж стабильно

Истощенный ОПК, пробелы в цепях поставок, подавление инноваций – военное будущее России под вопросом

Поскольку трехсторонние переговоры между США, Россией и Украиной о завершении войны в Украине затягиваются, следует рассмотреть некоторые формы давления, с которыми сталкивается Москва, и их влияние на безопасное и политическое решение Кремля в долгосрочной перспективе.

Экономическое давление на Россию из-за санкций (как целевых, так и всеобъемлющих) до сих пор не было достаточным, чтобы изменить отношение Кремля к войне. Это связано с целым рядом исторических и психологических факторов: массовые жертвы в войне более приемлемы, чем в других сферах, российское правительство в значительной степени контролирует доходящую до населения информацию, а мощная пропаганда объясняет несчастье России вмешательством Запада. Так что военные цели Москвы в целом неизменны, а конечная цель – покорить Украину своей политической и военной воле.

Важный нюанс, который Запад, возможно, не замечает: Россия мыслит на перспективу. Независимо от сроков окончания войны в Украине Россия все больше заботится о своей способности к восстановлению, извлечению уроков из разных этапов конфликта (включая собственно вторжение) и обновлению оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Следовательно, партнерам по НАТО необходимо готовиться к предстоящей войне и одновременно пытаться понять природу все более реальной угрозы со стороны России, а также насколько быстро она сможет пополнить войско и арсенал после истощения на поле боя.

При этом Россия должна решать различные проблемы, экономические, внутренние и политические, что повлияет на ее способность реорганизовать вооруженные силы и, как следствие, на ее геополитические решения.

Восстановление военной мощи России

Учитывая результаты экономических и политических решений России, приоритетом для нее является реформирование ОПК для удовлетворения будущих потребностей. Расходы в этой сфере до сих пор высоки: около 6 процентов ВВП. При этом поток государственного финансирования в начале [полномасштабной] войны в 2022 году, искажающий показатели инвестиций и создавший впечатление здорового динамичного рынка, начал ослабевать. На 2026 год прогнозируется лишь слабый рост примерно на 0,8 процента. Недавние политические решения о превращении гражданских отраслей промышленности в круглосуточно работающие военные предприятия свидетельствуют о том, что промышленная база уже работает на полную мощность, и ей некуда расширяться.

Во-вторых, Россия явно озабочена пробелами в цепях поставок, которые война обнажила и углубила. Москва всегда полагалась на Беларусь и Украину как на базу тяжелой промышленности. После аннексии Россией Крыма в 2014 году и начала боевых действий на Востоке Украины ее отношения с украинскими оборонными предприятиями ухудшились. Изоляция Беларуси как «соагрессора» в войне в Украине от международных цепей снабжения создала многочисленные пробелы в этих цепях и повлияла на ее способность поддерживать оборонную промышленность России. В то же время западные санкции имели непредсказуемое последствие, а именно заставили Россию заключить более тесные союзы с другими воинственными странами, такими как Северная Корея и Иран, которые значительно способствуют продолжению войны в Украине, поставляя войска, оружие и боеприпасы. Но эти отношения, хотя и отвечают нынешним прагматическим потребностям России (о совместной идеологии речь не идет), уязвимы к политическим изменениям, как в Иране, и экономическому давлению, от которого страдает Беларусь. Санкции усиливают это давление, например, мешают Китаю предоставить ресурсы, достаточные для перелома хода войны в пользу России.

В-третьих, политические решения повлияли на способность российского ОПК к инновациям. С начала войны государство постепенно захватывало контроль над небольшими предприятиями в области металлургии, логистики и транспорта под предлогом стратегической безопасности. В результате во многих небольших оборонных компаниях процесс принятия решений был централизован, а инновации подавлены. Борьба между министерствами за власть, финансы и влияние тормозит их

обновление в пользу более громоздких государственных корпораций, ограничивая гибкость России в военной сфере.

Последнее: приоритетность расходов на оборону, а также новое стратегическое видение того, как будут вестись войны в будущем, определяет направление развития российской армии. Россия в военном плане преимущественно сухопутная (с воздушными и морскими силами, очень истощенными войной) и, вероятно, будет и дальше ставить на большую армию, способную вести войну на истощение. Сам президент Путин призвал создать постоянную армию численностью не менее 1,5 миллиона человек. Многие будут выполнять различные задачи в мирное время, такие как охрана границ и инфраструктуры, а также поддержание порядка. При этом Путин и влиятельные военные стратеги в Министерстве обороны заинтересованы и в современных военных технологиях, таких как робототехника, автономные системы беспилотников и системы искусственного интеллекта для наведения и совершенствования систем управления. Эти интересы и распределение финансов повлияют на характер угрозы со стороны российских вооруженных сил в будущем.

Неотложные внутренние проблемы

Успехи на поле боя, инновационные технологии и планы будущих войн не будут иметь значения, если Кремль не сможет обеспечить политическую стабильность. Война стала основной организационной логикой системы Путина, вплоть до перестройки отношений внутри элиты и сетей протекции, а также определения приоритетов финансирования. Теперь любой конец боевых действий будет иметь серьезные внутривнутриполитические последствия. Поэтому Кремль обеспокоен и внутренними проблемами, связанными с войной.

В сентябре пройдут выборы в Государственную Думу. Они определяют состав нижней палаты парламента и являются показателем успеха «Единой России», партии Путина. Хотя выборы можно сфальсифицировать, а результаты подправить, даже Кремль нуждается в определенной общественной поддержке и явке избирателей для легитимности. Кремль всегда интересовался общественным мнением по чувствительным политическим вопросам и поэтому проводит собственные опросы об отношении к войне, мирным переговорам и Украине. Несмотря на обоснованные оговорки относительно правдивости ответов респондентов, большинство опросов стабильно показывает, что российское общество в принципе поддерживает завершение войны путем

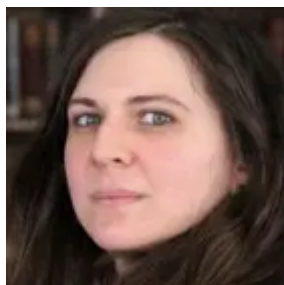
переговоров, но не такое, которое предусматривает отказ от завоеванных территорий. Такая же ситуация с опросами Левада-Центра.

В тему последствий войны входит вопрос, как (и вообще) интегрировать ветеранов войны, возвращающихся домой. У Путина чрезмерно амбициозные планы привлечения их к политике, но пока это удастся только на региональном уровне и очень ограничено из-за сопротивления опытных политиков, которые пытаются не допустить их к власти. Кроме того, не хватает социальных служб, способных решить многочисленные проблемы с физическим и психическим здоровьем, которые испытывают бывшие воины. Поэтому хорошо обученные, но разочарованные ветераны могут представлять серьезную угрозу, особенно если их поглотят мощные ультраправые движения, ренессанс которых произошел с началом войны.

Конечно, выборы в Думу вряд ли принесут большие сюрпризы или возрождение оппозиционных деятелей (власть об этом позаботится), но они станут важным показателем общественного недовольства правящей элитой. Кроме того, они дадут представление о приоритетах Кремля на ближайшие годы.

Все эти вопросы важны для способности России развиваться в военном плане, сохраняя при этом внутреннюю стабильность. Взаимодействие России как с партнерами, так и с оппонентами во всем мире и дальше будет зависеть от споров в Кремле о том, инвестировать ли в военную силу, или в искусственный интеллект, или ослабить советскую централизацию ради инноваций, как закрыть пробелы в цепях поставок в условиях геополитических потрясений и как обеспечить внутренний и региональный контроль с сохранением хотя бы минимальной общественной поддержки.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Эмили Феррис

Эмили Феррис (Emily Ferris) – старшая научная сотрудница отдела международных исследований безопасности RUSI. Специализируется на внутренней политике России и слабых местах военной инфраструктуры. С 2018 по 2025 год была старшей научной сотрудницей программы RUSI, посвященной России.

